

Мир - 1989 - 6 июня

Поспешу матушка Пушкина, Надежда Осиповна, родить сына под той же звездой, только на недельку пораньше, и случилось бы это не в Москве, на Немецкой улице, а в старинном Кобрине, в шестидесяти верстах от Петербурга. Сельцо это, присуженное императрицей в приданое от самодура-отца маленькой совсем Наденьке Ганнибал, замечательно тем еще, что отсюда была взята в господский дом детям в няни незабвенная Арина Родионовна. А с нею, конечно же, и сказки, скоро сделавшиеся любимыми Пушкиным. Да столь любимыми, что и двадцатипятилетний уже поэт заслушивался ими, все равно что ребенок. Не оттого ли его сказки, будто святы, — и для мальчика и для мудреца!..

ОКАЗЫВАЕШЬСЯ в Кобрине, и сразу хочется по-другому говорить, по-другому спрашивать. Словно за сказкой, за чудом занесло тебя на эти пригорки в Березняках, на эту перевязанную плотинками речку, на ковры полей, распаханных от тучных ельников до самой могилы Ганнибала. Где ты, Лебедь-царевна, что научит волшебному слову? Где золотая рыбка-помощница и живая вода-волшебница — поборницы справедливости? Но, как говорится, скоро сказка сказывается...

Хочу уже спросить про Арину Родионовну, а получается вдруг, что спрашиваю просто про няню. Так, мол, и так, ищу няню для младенца. Сразу же и объясняю, что надо будет жить в городе и нянчить не один год. Что нужна бы добрая женщина, которая была бы всем для дитяти хороша и чтобы, конечно, со сказками, как водится... В ответ же слышу:

— Няню? Да кто же нынче пойдет? У меня сроду ребенок чужой на руках не бывал. И не возьму. Да это вообще стыд-позор, чтоб я в няньки пошла!

— Не в няньки, а в няни. Как прежде ходили...

— Так то в старину...

Вот как встретила меня Анна Петровна, этакой Бабарихой, что даже напугала. В ту ли сказку я попал? А тут, заскрипев, отворилась дверь избы, и вышла, будто тенью на свет, Вера Акимовна, соседка и подруга Анны Петровны. И ну подпевать ей будто подслушанную песню.

— Чтоб я-то в няни, да за какие грехи, иль бездомная совсем?..

ТОЛЬКО, как это бывает в разговорах, вдруг смолкла Петровна, точно повернулась на сто восемьдесят градусов:

— А постой-ка!

И припомнила старушку, что без кола, без двора, может статься, что из нее няня выйдет. Ан нет, хлопнула себя по колену, не гожа Степановна, выпить любит да и детей не рожала, не для Степановны такие заболтушки...

Сидим, перебираем по пальцам все Кобринское: своих, пришлых, псковских, вербованных тверских, эстонских, финских, которые тут испокон веку. Уж рук не хватает, а все не остановились. Так и бросили...

У самой почти автобусной остановки спросил я про няню на авось уже мужика, что тащил гири красных газовых баллонов. Не дослушав даже до конца мой вопрос, мужик с ходу, чтобы не устать от ноши, сказал мне:

— Няню? Да вон через два дома и будет тебе няня!

Я, разумеется, удивился, мол, как просто, мы тут час битый искали — не нашли. А пройди два двора, заглянул в раскрытую калитку и все понял. На доске, приколотой к дому, увидел тут вырезанную надпись: «Здесь жила няня Пушкина Арина Родионовна»

Выходит, мужик-то был прав: вот мне и няня!

Присел на лавочку под березой и тут другой знак заметил: камень с выбитой на плещи при-

— А кем бы ты хотел в этой сказке быть?

— Конечно, рыбаком.

— Почему же?

— Без рыбака рыбку не поймать. А потом рыбак самый добрый, добрей старухи и даже рыбаки.

Ай да Пушкин! Жива его сказка. В каждом доме жива. Не знаю такого, кто не знаком с ней. Не встречал еще.

Правда, и у сказки его была

Наде Рушевой. Изданы сказки эти были после смерти девочки, но как раз в те годы, когда только еще сочинял свои сказочные поэмы Пушкин. Он, конечно, не мог не знать о них с его дотошностью в трудах. Ведь девочка эта отмечена и пророчеством Гёте, и драгоценностями от императрицы. Да и сказки-то, ох, как перекликаются! «О рыбаке и рыбке» — у него, «О жадной старухе» — у нее. О мертвой царев-

Анна Дорофеевна и предки ее, Ильины, в Кобрине жили в самые стародавние времена, уезжая разве что от войн, от голода да под конвоем. Вернулась и она. Тогда на все Кобринно было два-три русских двора, остальные же — чухонские, финские. А в русских-то дворах тоже баяли по-фински. Только потом уж дети завели моду и стали все по-русски говорить, хотя в школе был учитель фин-

В РОДСТВЕ КРОВНОМ И ДУШЕВНОМ

СЕГОДНЯ — 190 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

сказкой: «Да еще ее помянем, сказки сказывать мы станем». В самом деле, чем же помянуть Арину Родионовну? Она и сказки. Сказки и она. В родстве кровном и душевном. Кажется, что без няни и сказкам конец.

Подумалось тут: не ностальгия ли это по няням, уже ушедшим на покой, притягивает людей к Кобрину? Конечно, остались няни в яслях и детских садах. В больницах так обращаются к санитаркам, кажется, с войн, с госпиталей пошло: ведь раненые — как дети малые. Да вот еще в школах уборщиц-старушек тоже нянечками зовут.

Почему я все про няню, когда так хотел о сказках? Но вдумайтесь-ка: сказка-то наша тоже от няни и пошла. Ученые мужи хоть и приговаривают, мол, сказка уже давно клонится к упадку. Так это они не понимают, что не сказка, а няня пропадает. Ведь всякая сказительница оттого много помнит, что много рассказывает, а рассказывает, когда есть кому слушать. Кого ж и когда на земле нянчили без сказки!

КОНЕЧНО, и до Пушкина еще об упадке говорили. А обратился он к сказкам, так, кажется, и болезнь прошла. По сей день читаем мы его сказки и все не начинаем.

Я спросил кобринского Витьку Гроздова, второклассника.

— А скажи-ка, какую сказку Пушкина ты любишь больше?

— Про рыбака и рыбку, — сказал он.

жизнь вроде человеческой. И раззнакомиться с ней, было, захотели. В конце тридцатых годов разве что не стреляли в Пушкина второй раз. Мол, сказки его-де «выпадают из русской традиции», и чуть ли не всякая «скорее принадлежит Западу, чем русскому народу». А раз так, то зачем их печатать, коль они не народны. Мол, мотивы белки, которая песенки поет у Гвидона на острове, «совершенно чужд русскому фольклору».

Знали, что неправы были, а судили. Только если Пушкина в ненародные записать, то кто ж тогда народный?

Сколько сказок я нынче перечитал, сколько песен и легенд, стараясь хоть чуточку пройтись по пушкинской тропке. И те, что собрал по городам и весям Кирши Данилов, а потом положил на музыку Иван Пращ. И те, что усердно исправлял Михайло Чулков. Будто не сказки и песни, а заповеди особые собирали они: не ходи холост поздно вечером, не кидай притворных взоров, самая роскошь с горестью есть смежна, будь бережлив ты на свою свободу, будь мой дух всегда в покое... Сказки печатали Новиков и Барсов: один — издатель, другой — скрупулезный собиратель. В ту пору, когда Пушкин раздумывал над своей Татьяной, в Петербурге умерла 17-летняя Елисавета Кульман. Сказки и судьба этой девочки сродни нашей уже современнице

не — у обоих. А еще о жарптице, о гуслях-самогудах, о Добрыне Никитиче, о малиновке успела записать Лизонька. Друг Пушкина «Кюхля» знал про чудо-Кульман и писал ей. А сам Пушкин? У него — ни строки я не нашел, словно загадка какаля...

Помнится, Достоевский сказал: «Никогда еще ни один русский писатель ни прежде, ни после него не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин». И сами люди, знавшие его сказки, тоже сумели высказаться.

«Мое сердце дышит к нему любовью», — писал крестьянин Трофим Вилков из Владимирской губернии. Он начался сочинений Пушкина, как-то работа сторожем в Москве. «Когда заспорят о богатстве или за висти, то ставят в пример эту сказку», — вспоминал псковский хлебопашец Евстигней Андреев про «Рыбака и рыбку». А Яким Акимов, тамбовский, удивлялся: «Сколько поют его песен, читают стихотворений, басен и рассказов, и не знают, откуда они и по какому размышлению они сочинены...» Вроде как сами родились.

НЕ УДЕРЖАЛСЯ я на лавке, когда против калитки встала передохнуть маленького совсем росточка старушка с тяжелой, как водится, сумкой, а лицом очень похожая на ту Арину Родионовну, что сам Пушкин нарисовал.

ского. Теперь финского слова не услышишь. Только что в названии самой деревни: кобрить-то, говорят, значит шутить, шутки-прибаутки, сказки-приказки любить. Может, и соседнее село не Прибытковым называлось, а Прибаутковым?.. Финнов Сталин повеселил: и учителя, и органиста из кирхи. Оставил тех, у кого сыновья или мужья под ружьем были. На остальных же страх нагоняли пуще Кошеч Бессмертного...

Не мог не признаться я Анне Дорофеевне в том, как приехал к няне Пушкина и что из этого вышло. Она же высказалась по-своему:

— Не так сейчас воспитаны женщины деревенские, чтобы в няни пойти. Раньше неграмотные были, попросишь — избу тебе вымоют, в нянях посидят. А нынче чем больше выучились, тем дальше от дома их государство держит. Понятно, что за выучку расплачиваться надо. Да уж больно дорого. Только выходит одно горе от ума — дом-то пустеет. Может, лучше б не учились? И няни б были. И сказки. А?..

Грустная нота, а без нее никак нельзя...

Года за два до рождения Пушкина в Санкт-Петербурге в «Ведомостях» появилось объявление о продаже слепого сказочника. Полистал я подшивку дальше. Долго листал, но больше нигде об этом не нашел, видно, продали сказочника. Нашел зато объявления про всякие новые книжки для деток. Например, о «Мужике, ищущем чести, рассказчике забавных басен». Еще — о «Забавных вечерах, или собраниях нравственно увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам». И еще — о «Веселой старушке, забавнице детей, рассказывающей старинные были и небылицы»... Что-то никак не вспомнил таких вот названий на наших книжных прилавках. Похоже, не только няни, но и сказочники, и те, кто сказки печатает, перевелись.

Анна Дорофеевна мудро заметила:

— Без сказки — как без лапки. Сказка детей не портит. А стариков к детям воротит...

Ой, как бы надо нам послушаться этих мудростей, задуматься над этими простыми бабушкиными истинами. Задуматься сегодня, в день поклонения Александру Сергеевичу — великому поэту сказки.

М. БЕЛОУСОВ.
[Соб. корр. «Труда»].

Рис. Э. ЯРОВА.